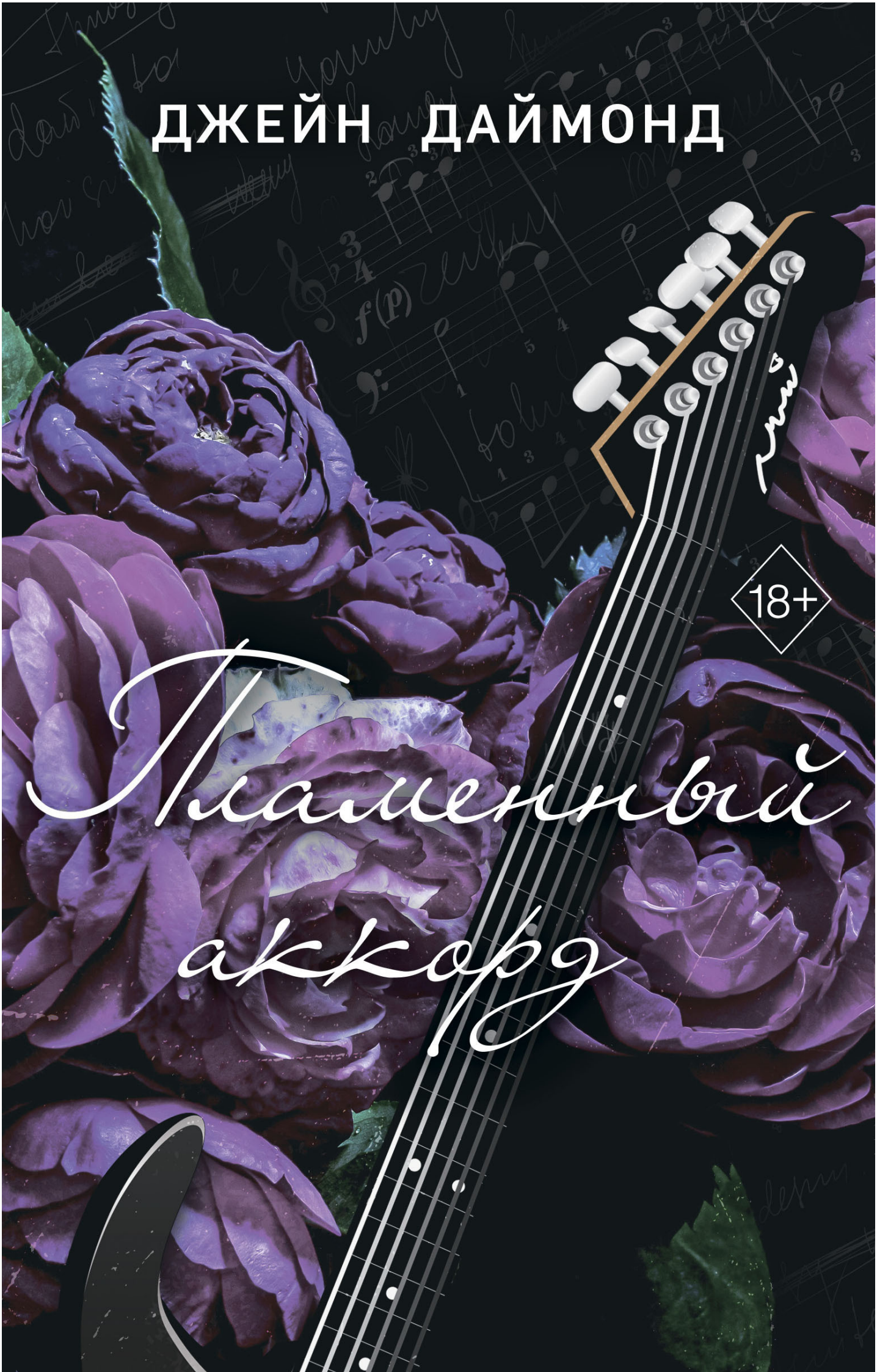
ДЖЕЙН ДАЙМОНД
18+
Пламенный аккорд

Freedom. Ослепительные рок-
звёзды. Бестселлеры Джейн Даймонд

Джейн Даймонд

Пламенный аккорд

«Эксмо»
2018

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Даймонд Д.

Пламенный аккорд / Д. Даймонд — «Эксмо», 2018 — (Freedom. Ослепительные рок-звёзды. Бестселлеры Джейн Даймонд)

ISBN 978-5-04-258480-0

Переживающая непростые времена бариста Кэти даже не подозревала о существовании Джесси Мэйса, пока случайно не получила завидную роль его новой горячей подружки в музыкальном клипе. Увы, Кэти слишком поздно узнает о том, что он ловелас. Она не так представляла себе процесс лечения разбитого сердца, но от прикосновений Джесси вспыхивают искры. Парень делает Кэти заманчивое предложение: притвориться его девушкой на шесть недель, пока он будет продвигать новый альбом. Единственное условие: их пылкие объятия и поцелуи будут только для камер. Это вполне устраивает Кэти, поскольку она не собирается доверять свое сердце рокеру. Но сможет ли девушка устоять?

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-258480-0

© Даймонд Д., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Плей-лист 6
Глава 1 8
Глава 2 15
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Джейн Даймонд
Порочный рокер

Для всех, кто верил.
У всякой рок-н-ролльной истории есть две стороны

Jaine Diamond
Dirty Like Me
Copyright © 2016 by Jaine Diamond
© Самойлова А., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Плей-лист

Музыка, разумеется, играет важную роль в истории любви Сета и Эль – а как же иначе?

Как обычно, некоторые песни из плей-листа упоминаются в книге; другие передают атмосферу определенной сцены; третьи я слушала во время написания книги.

Как и музыка во всех книгах этой серии, в этом плейлисте много рока – от классического до хард-рока и всего, что находится между ними, – но в нем также есть и другие жанры, которые нравятся мне и персонажам книги. Эль, в частности, питает слабость к электронной, поп- и танцевальной музыке, ко всему с убойным грувом.

Я надеюсь, вы с удовольствием снова отправитесь с нами в музыкальное путешествие…

Джейн

Carry On Wayward Son – Kansas
Everybody's Gotta Learn Sometime – Beck
Undun – The Guess Who
Stone Cold Crazy – Metallica
Devil Went Down to Georgia – Adrenaline Mob
Six Days (feat. Mos Def) [Remix] – DJ Shadow
Act Nice and Gentle – The Black Keys
Always on the Run – Lenny Kravitz
Wish You Were Here – Pink Floyd
Glory Bound – Martin Sexton
Breaking Down (Acoustic) – Florence + the Machine
Ex-Girlfriend – No Doubt
Feels (feat. Pharrell Williams, Katy Perry & Big Sean) – Calvin Harris
That's What I Like – Bruno Mars
Sugar – Maroon 5
Band on the Run – Paul McCartney & Wings
Angel – Jimi Hendrix

It's Only Rock 'n Roll (But I Like It) – The Rolling Stones
Stuck in the Middle with You – Stealers Wheel
Send Me an Angel – Highly Suspect
Adrift – Jack Johnson
Feel so Close (Radio Edit) – Calvin Harris
Havana (feat. Young Thug) – Camila Cabello
Strange Desire – The Black Keys
So Lonely – The Police
Trouble – Coldplay
Say Something (feat. Chris Stapleton) – Justin Timberlake
No Distraction – Beck
The Drugs – Mother Mother
Can't Get You Off My Mind – Lenny Kravitz
I'll Be Your Man – The Black Keys
So Fine – Guns N' Roses
Moves Like Jagger (The Voice Performance) [feat. Christina Aguilera] – Maroon 5
Bad Side of the Moon – April Wine
Hot Blood – Kaleo
Wait till You See Him (De-Phazz Remix) – Ella Fitzgerald
You Can Do It – Ice Cube
Touch Me – The Doors
Seventh Heaven – Beck
Any Way You Want It – Journey
It's My Life – No Doubt
Keep Me – The Black Keys
I Can't Go On Without You – Kaleo
Be Your Love – Bishop Briggs
Next Girl – The Black Keys
It Ain't Over 'Til It's Over – Lenny Kravitz
Is This Love – Bob Marley & The Wailers
Locked Out of Heaven – Bruno Mars
We're Here for a Good Time (Not a Long Time) – Trooper

Глава 1
Сет

В своей жизни я натворил немало рискованного дерьма. Неразумного и опасного.

Подсел на наркотики[1].

Получил передозировку.

Почти умер в возрасте двадцати двух лет.

Да уж, это определенно топ три.

Но то, что я натворил прямо сейчас, заняло лидирующую позицию в моем списке всего неразумного и опасного.

Во-первых, я вторгся на частную территорию, на стоянку бара, принадлежащего участнику группы Dirty, в которой я когда-то состоял. Вся группа находилась в баре, и, хотя ребята даже не подозревали о моем прибытии, они вот-вот об этом узнают. И я совершенно не представлял, какой реакции от них ожидать.

Но чего они наверняка делать не станут, так это расстилать для меня красную ковровую дорожку.

Во-вторых, бар кишел парнями из службы безопасности, которые сейчас буквально стали тенью участников Dirty и в основном состояли из бывших военных или байкеров. Что означало присутствие куда большего, чем мне хотелось бы, количества парней, способных выпустить тебе кишки при удобном случае.

И последнее, но не менее важное: я стоял облокотившись на мотоцикл, оставленный в конце парковки за баром. «Харлей». Мотоцикл, принадлежащий не мне, но явно серьезному байкеру – одному из «Королей Западного побережья», судя по скелетообразной черной эмблеме Короля Пик на бензобаке.

Байк Джуда Грейсона. Главы службы безопасности Dirty. По крайней мере, я на это надеялся.

Но если я ошибся, то, по крайней мере, рассчитывал на то, что это был байк кого-то из его знакомых, что, следовательно, дарило надежду, что меня не прикончит тот самый байкер, появившись из задней двери здания.

Я делал то, что и всегда, когда нервничал, – играл на гитаре. Но все мои мысли захватила эта дверь. Она была выкрашена в красный цвет, а на стене над ней висела камера видеонаблюдения, направленная прямо вниз. Но это не означало, что поблизости не было другой, что смотрела прямо на меня.

Вечерело, и на стоянке не было ни души. На узкой парковке стояло несколько больших траков, тех, что занимались коммерческими перевозками и транспортировали инструменты группы, киноаппаратуру и прочее сценическое барахло; и еще несколько транспортных средств, втиснутых в узкие парковочные места. Но участок был обнесен высоким забором с запертыми воротами, и, очевидно, никто в Лос-Анджелесе не славился такой откровенной глупостью – перелезть через этот забор и забраться внутрь.

Никто, кроме меня.

Я слушал песню «Wish You Were Here» группы Pink Floyd, когда красная дверь приоткрылась и показалась голова какого-то чувака. Он широко распахнул дверь, вышел на улицу и направился прямо ко мне, петляя между припаркованными машинами. И да, он был байке-

[1] Наркотики запрещены законодательством Российской Федерации, наносят вред вашему здоровью и влекут применение административной и уголовной ответственности.

ром. Мальком-байкером. На вид ему было не больше девятнадцати. В одной руке он держал недоеденное ломящееся от начинки тако, так что, должно быть, я прервал его трапезу.

Это мог быть тот чувак с гарнитурой для рации, который материализовался на тротуаре вскоре после того, как я перелез через забор; это мог быть кто-то из охраны, следящей за камерами наблюдения. Но кто-то дал ему наводку, что я здесь. И поскольку тот, кто вышел, не Джуд собственной персоной, то кто бы это ни был, он не узнал меня.

Кто-то новый в команде.

Этот парнишка в черном кожаном жилете Королей, надетом поверх футболки с нашивкой *Prospect*, выглядел скорее ошеломленным моим идиотизмом, чем разъяренным. Я его не знал, а узнал ли он меня – по сути, к делу отношения не имело. В любом случае его взгляд был устремлен в направлении моей задницы, покоящейся на сиденье байка.

Возможно, если мне действительно повезло, его также сразили наповал мои музыкальные способности, потому что его взгляд то и дело метался от мотоцикла к гитаре, а затем и к моему лицу.

– Ты хоть знаешь, чей это байк? – спросил он, явив миру рот, набитый мясом тако, которое он забыл дожевать. По-видимому, его больше беспокоила моя покусившаяся на байк пятая точка, чем все остальное на стоянке.

Я продолжал играть, глядя ему прямо в глаза, и сказал:

– Я знаю, чей это байк. Можешь сказать ему, что с ним пришел повидаться Тодд Беккер.

Паренек закрыл рот, немного медленно пожевал и уставился на меня, словно размышляя, опасен я, глуп или просто свихнулся. По-видимому, остановившись на последнем варианте, он покачал головой и взглянул на стоящего на тротуаре охранника в штатском, который изо всех сил делал вид, что не подслушивает. Затем он бросил на меня суровый взгляд байкера-сосунка, в котором читалось *«Ты покойник»*, и важно прошествовал обратно внутрь.

И впервые за сегодняшний день я всерьез задумался, а не было ли все это огромной гребаной ошибкой.

Меньше всего мне хотелось втягивать Джуда в какое-нибудь дерьмо.

Когда я только узнал о прослушиваниях на роль нового ритм-гитариста Dirty, я планировал отправиться прямиком в Ванкувер, чтобы попробовать свои силы. Но потом я передумал. В Ванкувере прослушивания только начинались, а заканчивались в Лос-Анджелесе на следующей неделе. И чем больше я об этом думал, тем больше понимал, что разумнее подождать.

Потом я позвонил Джуду и выяснил, что он находится не в Ванкувере. Он уже был в Лос-Анджелесе… И тогда я решился.

Я сообщил ему, что приеду.

Он рассмеялся.

По правде говоря, не думаю, что он действительно поверил мне.

Но вот я здесь.

Всю неделю я зависал в тако-забегаловке на другой стороне улицы. Каждое утро я наблюдал, как за бархатным канатом выстраивается петляющая по тротуару и огибающая квартал очередь из подающих надежды кандидатов. Каждый день после полудня я наблюдал, как толпа редеет, пока здание не покидал последний гитарист. Большую часть времени я сидел на тротуаре, играя на акустической гитаре, и, хотя я не намеревался создать впечатление уличного музыканта, люди бросали мне наличные.

Это было странно.

Когда-то у меня был альбом номер один. Теперь в моем кейсе для гитары лежали смятые купюры.

В конце каждого дня я покупал три тако и сок. Я отдавал их старику, который жил за закусочной, вместе со всей оставшейся наличкой. Возможно, это было лишь спонсорством пагубных привычек, и может быть, после всего, что я пережил со своей собственной зависи-

мостью, мне следовало остерегаться этого. Но этому чуваку было семьдесят шесть лет и он жил в переулке; если уж он и предпочитал виски на завтрак, то это было его право.

Прошло несколько дней, прежде чем мне удалось заприметить хоть кого-то из участников группы.

В четверг, как только солнце начало клониться к закату, Дилан Коуп вышел на тротуар с огороженной стоянки за баром – его баром – с несколькими другими парнями. Чувак был невероятно высок, к тому же его непослушные рыжевато-каштановые волосы алели в лучах вечернего солнца, так что ошибиться было невозможно. Он улыбался. Смеялся.

Барабанщик Dirty, несомненно, был самым добродушным из всех членов группы, но это не отменяло того факта, что иногда мне приходилось взывать к его хладнокровию о прощении. Проблема состояла в том, что это никогда не было так просто. Дилан был почти до неприличия безупречным командным игроком: парень не менял носки без предварительного одобрения других участников группы.

И особенно Эль.

В тот самый вечер я увидел и ее. Эль Делакруа, басистку Dirty. Ее также можно было безошибочно узнать по длинным платиновым волосам, собранным в высокий хвост, стройной загорелой фигуре, облаченной в обтягивающее белое платье и высокие сапоги. Она вышла на улицу в сопровождении небольшой свиты – своей ассистентки Джоани, сурового вида чувака в черном, который был, вероятно, охранником, и пары других женщин. Я даже не разглядел ее лица. Она поговорила с парнями, в основном с Диланом, и, обняв его и поцеловав в щеку, скрылась за зданием.

Они что, сейчас встречаются? Без понятия.

Не то чтобы меня ставили в известность…

Я знал, что некоторое время назад Эль встречалась с Джесси Мэйсом, ведущим гитаристом Dirty. Об этом знали все. Так что все возможно. Но Дилан никуда не уходил, а болтал с кучкой парней, которые курили еще долго после того, как внедорожник с тонированными стеклами укатил вместе с Эль.

Сегодня, в самый последний день прослушиваний, я прождал на другой стороне улицы до конца дня. Пока все до единого претенденты не разошлись по домам с гитарами в руках. Я отчетливо помню это чувство. Когда ты из кожи вон лезешь в надежде, что тебя заметят и снова пригласят, понятия не имея, случится это или нет.

Я несколько раз в жизни оказывался в такой ситуации. Но никогда прежде в жизни нервы не были настолько на пределе, как когда я впервые встретил Dirty в возрасте девятнадцати лет. Когда их вокалист Зейн Трейнор привел меня к себе домой, в гараж своей бабушки, чтобы познакомить с группой. Как только я познакомился с ними и услышал, как они играют, то понял, что должен сделать все возможное, чтобы они позволили мне остаться. Я и раньше играл в гаражных группах. Но эти ребята были чем-то особенным. И у них уже был крышесносный гитарист в лице Джесси.

Так что я понял, что должен привнести в этот микс что-то новое.

Следующие три года своей жизни я был одержим этой идеей и посвятил себя группе без остатка.

С того первого неофициального прослушивания и до последнего концерта, который я отыграл в качестве участника Dirty, – той ночи, когда меня уволили из группы, – я знал, что должен выложиться по максимуму. Я работал не покладая рук, чтобы заслужить шанс, который они мне дали. Я должен был подарить им то, чего они никогда раньше не видели, никогда не слышали… то, без чего они не смогли бы жить.

Точно так же я должен был поступить и сейчас.

И с этой целью я решил, что должен быть последним человеком, которого они увидят сегодня. Последним, кого они *услышат*. Самым последним гитаристом, который пройдет прослушивание на это место. *Мое* старое место.

И что бы ни происходило до меня, они не смогут забыть мое выступление, потому что никому уже не удастся меня переплюнуть.

Прибереги лучшее напоследок.

Вот о чем я думал, вот что я твердил себе, когда сидел здесь, снаружи, в предвкушении. Просто ждал, когда выйдет Джуд и *позволит* мне войти.

Но мне не привыкать.

Я ждал долгих семь лет, пока приедут Dirty и попросят меня снова присоединиться к группе. Я слушал альбом за альбомом, наблюдал, как они гастролируют по миру, исполняя мои песни со сменяющимися гитаристами, которые не были мной.

Затем в тот день в прошлом году, когда я пересекся с Зейном на пляже… Он пригласил меня пойти с ним поджемить, как и много лет назад. И этот джем превратился в встречу с ним и Джесси, а потом – в шоу-воссоединение в Ванкувере, в кабаке под названием «Черный Ход», где мы играли раньше. Это было чуть больше полугода назад. Я вышел на сцену со всеми четырьмя участниками-основателями Dirty: Зейном, Джесси, Диланом и Эль – для исполнения одной песни. Самой успешной песни. «Dirty Like Me».

Затем они попросили меня вернуться в группу.

Потом сестра Джесси, Джесса, наговорила им обо мне всякую мерзость.

После чего меня снова уволили.

Шесть месяцев я ждал звонка, который так и не прозвучал.

И вот я здесь. Готовый доказать им всем, как они ошибались на мой счет, передав в игре все то, что мне пришлось испытать и пережить. Красная дверь наконец открылась… и появился Джуд.

Большой, мускулистый парень. Невероятно устрашающий. С темными, почти черными волосами. В черной футболке, с крутыми татухами на руках, в джинсах и байкерских ботинках.

И когда он меня увидел, на его лице появилось совершенно равнодушное выражение.

Он обратился к чуваку в штатском, который все еще слонялся по тротуару, наблюдая за мной. Точнее, просто дернул подбородком. *«Погуляй»,* – гласил этот жест. К тому времени, как Джуд вышел на парковку и дверь за ним захлопнулась, парень уже скрылся из виду, обогнув бар.

Я перешел к другой песне, так что теперь просто старался не запороть «The House of the Rising Sun», когда Джуд неторопливо подошел. Он остановился в двух шагах от своего байка и оглядел меня с головы до ног, словно хотел убедиться, что я *не* слетел с катушек.

– Ты прикалываешься? – были первые слова, сорвавшиеся с его губ. В них не было особой враждебности. Скорее, он был слегка ошеломлен, хотя и не так сильно, как паренек с тако.

Я перестал играть и накрыл ладонью струны, чтобы заглушить их.

– Ты приехал сюда на байке из Ванкувера, – заметил я. – Взял несколько выходных?

Он скрестил внушительных размеров руки на груди.

– Периодически мне нравится это делать. Пуститься в путь. В одиночку. Отключиться от всей этой чуши. – Он снова окинул меня мрачным взглядом. – Ты мне сейчас начнешь впаривать какую-нибудь чушь?

– Думаю, все зависит от того, – сказал я, – как на это посмотреть.

– Я вот смотрю, и очень уж все это смахивает на чушь.

– Никакая это не чушь. Это прослушивание. – Я сыграл несколько строчек из песни Джими Хендрикса «Voodoo Child». Возможно, выпендриваясь. – Я приехал на прослушивание.

Джуда, казалось, все еще не трогали мои речи.

– Прослушивания закрыты. Только по приглашениям. Предварительный отбор. И я никогда не видел твоего имени в списке… *Тодд Беккер*.

– Так проведи отбор сейчас, – сказал я, продолжая тихо наигрывать, пока мы разговаривали. – Что ты хочешь услышать? «Fortunate Son»?.. «Roadhouse Blues»?.. – Я играл по чуть-чуть каждую песню, пока говорил. – «Dirty Like Me»?..

Джуд продолжал сохранять молчание, скрестив руки на груди, и хмуро наблюдал за моей игрой. Всегда было трудно понять его мысли по выражению лица, но Джуду, которого я знал, всегда нравилось слушать, как я играю.

На заре нашей дружбы мы придумали игру, в которой он подбрасывал мне название песни, а я играл ее для него. Если я не знал песню, то просто быстро ее выучивал. Отчасти именно благодаря Джуду и нашей маленькой игре я научился так круто играть. Потому что, если я когда-нибудь пытался выучить песню, которую Джуд просил, он никогда не давал мне дослушать ее до конца. И он сделал своим любимым занятием бросать мне вызов самыми сложными песнями. В некоторых случаях это были композиции, которые я бы никогда не выучил, если бы он не подначивал меня.

– Тебе все еще нравится Metallica? – Я начал играть «Master of Puppets». Не самая моя любимая группа, но в свое время я выучил у них много песен – задача не из легких, – чтобы развлечь его.

Он приподнял темную бровь, глядя на меня, так что, возможно, мы к чему-то пришли.

– Ты помнишь.

– Трудно забыть. Учитывая, как кровоточили мои пальцы в процессе заучивания.

Он что-то пробурчал в ответ, и это было самое близкое к улыбке из того, чего я мог добиться от него прямо сейчас. Я знал это.

– Или как насчет Rage? – Я заиграл «Killing In the Name» группы Rage Against the Machine, еще одной любимицы Джуда. По крайней мере, так было много лет назад.

Он покачал головой, что, как я понял, означало, что его восхищение моими навыками игры на гитаре в данный момент не играло никакой роли. Поэтому я делал то, что умел: продолжал играть. Мой талант был единственным козырем.

Возможно, даже просто единственной картой, которую мне когда-либо приходилось разыгрывать.

«Killing» была еще одной тяжелой песней – в плане жанра и в освоении. Я справился. Я играл ее для него столько раз, давным-давно, и она буквально попала мне в кровь. Любая песня, которую я когда-либо выучивал, была у меня в крови, так как я уже не мог ее забыть. Даже когда я терял себя из-за какой-нибудь дряни, на которой сидел. Вероятно, именно поэтому я продержался так долго с Dirty.

Да, у меня случился передоз в гастрольном автобусе, и я чуть не умер. Но я всегда мог выйти на сцену во время концерта и безупречно сыграть любую песню.

Джуд просто стоял с бесстрастным выражением лица, которое он отточил за долгие годы работы в охране Dirty и в составе объявленного вне закона мотоциклетного клуба. Но поскольку он еще не велел мне свалить, я знал, о чем он, вероятно, подумал.

Дело было не столько в том, что он думал о своей собственной заднице, а о том, чем это может обернуться для него, если он впустит меня в тот бар. Скорее всего, он думал о том, как сильно надерут задницу *мне*.

– Может, мне еще станцевать для тебя? – бросил вызов я, поперчив тон щепоткой сарказма.

Джуд молчал, пока я не доиграл. Потом он сказал:

– Так вот как это будет, да?

– Похоже на то.

– Похоже на то, что идиот бренчит на гитаре на парковке, – сказал он. Но затем он опустил руки с тихим, едва слышным вздохом. Он снова оглядел меня сверху донизу, казалось прикидывая, как быстро группа узнает меня.

Я знал, что прослушивания проводились вслепую. Но не то чтобы я скрывал, кто я такой. Если не считать вымышленного имени, я все еще был самим собой.

Я постригся, как только приехал в Лос-Анджелес: было чертовски жарко, но, по правде говоря, я жаждал перемен. Возможно, начать все сначала. Никто не видел меня с короткой стрижкой с тех пор, как мне исполнилось двенадцать, так что теперь я ощущал себя иначе. Еще у меня была короткая борода, но последние несколько лет я то и дело отращивал бороду, а потом сбривал, и так по кругу, а Dirty видели меня бородатым. На мне были очки-авиаторы, но это совсем не то же самое, что трюк с очками Супермена. Я не маскировался, как Кларк Кент, и не планировал позже внезапно облачиться в плащ.

Это всего лишь я.

Выцветшая футболка группы Cream, поношенные джинсы, ботинки из змеиной кожи, бандана в заднем кармане. Металлический браслет с выгравированным на нем словом BADASS[2], который Эль подарила мне, когда я только присоединился к Dirty, и я никогда не переставал его носить.

Они увидят меня за милю и узнают.

Сет Бразерс.

Бывший ритм-гитарист и автор песен группы Dirty. Падшая звезда. Изгой. И все равно, нравилось это Dirty или нет, любимчик фанатов. Ни одного гитариста, который пришел после меня, не любили так сильно, как меня. Никто не хотел моего возвращения в эту группу больше, чем фанаты. Я узнал об этом из сообщений, которые по-прежнему получал ежедневно. Это была единственная причина, по которой я вел аккаунт в Twitter[3].

Это во многом помогало мне оставаться здесь, несмотря на все более неблагоприятные условия. Я начинал понимать, насколько плохи были эти шансы, учитывая, что Джуд не решался даже впустить меня на порог.

Я не был уверен, что с этим делать. Я никогда не думал, что Джуд станет моей проблемой.

– Ты уверен, что хочешь этого? – спросил он, не сводя с меня своих темных глаз. – Сейчас?

– Однажды ты сказал, что прикроешь меня, когда придет время.

– Я много чего говорил, – признался он. – И не всегда умное.

– Значит, у нас есть что-то общее.

Он снова хмыкнул.

– Вот что я тебе скажу. Если сыграешь для меня Metallica, то, считай, прослушивание у тебя в кармане.

– Супер, – сказал я.

Не супер. Единственной песней Metallica, которую я знал достаточно хорошо, чтобы произвести впечатление на кого-то – возможно, – была «Master of Puppets», и мне показалось, что это не тот способ, которым можно было бы пройти прослушивание Dirty. Dirty не были метал-группой.

Очевидно, это не проблема Джуда. Он повернулся ко мне спиной, невербально давая понять, что отпускает, и направился обратно к бару.

Я выдохнул – у меня было такое чувство, будто я задержал дыхание на всю гребаную неделю.

---

[2] Сорвиголова, крутой парень.

[3] Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

Я засунул свою акустику в кейс и поднял его вместе с другим кейсом, в котором лежала моя электрогитара – любимая, «Гибсон». Затем я поплелся за Джудом.

Не так я представлял себе красную ковровую дорожку, но и так сойдет.

Глава 2
Сет

Metallica?

И что, черт возьми, мне с этим делать?

Следуя за Джудом через красную дверь, я пытался уладить этот вопрос. Я планировал сыграть «Voodoo Child» – песню, которую смог бы осилить далеко не каждый дурачок с гитарой, – потому что я знал, что сделаю это с блеском. И потому что понимал, что Зейна бы сразило наповал потребовавшееся для этого самомнение, Джесси впечатлило бы безупречное гитарное исполнение, Дилану бы зашло практически все, что пришлось по вкусу Зейну и Джесси, а Эль чертовски боготворила Джими Хендрикса.

Вот и весь гребаный план.

Но у меня было не так много времени, чтобы придумать что-то еще. Меня сразу же сразила наповал атмосфера за кулисами, столь привычная и одновременно обескураживающая, пока я тенью следовал за Джудом. Задняя часть здания представляла собой сеть коридоров, офисов и складских комнат, змеящихся за главным помещением бара. В проведении и съемках прослушиваний участвовало множество людей, в том числе охрана, съемочная группа и другие, кто работал на группу или в баре, – все они скакали повсюду в очень тесном пространстве, как шарики для игры в пинбол. Торопящиеся, но неторопливые.

Я поймал себя на том, что высматриваю знакомые лица. Гадая, с кем столкнусь первым и насколько они злы на меня.

Хотя не все в этой вселенной Dirty на меня злились.

Джуд был не единственным, кто *мог бы* прикрыть мне спину в случае чего. Я знал это, и все же, когда осматривался… я не мог не задуматься. Правда в том, я действительно понятия не имел, кто мог бы отнестись ко мне спокойно, а кто – устроить мне разнос. Отчасти это было связано с тем, что, насколько я знал, большинство людей на самом деле не *понимали*, почему меня уволили из группы в прошлый раз. Скажем, это не стало достоянием общественности.

Но в основном это было из-за того, что даже в лучшие дни мне было трудно вспомнить, чем все закончилось, когда меня уволили в *первый* раз люди, которых я когда-то любил как родных.

Было неловко – на самом деле жутко стыдно – признаваться в этом самому себе, но прямо сейчас я не мог от этого прятаться.

Прошло уже почти четыре с половиной года, как я завязал с наркотиками и перестал пить, наконец пройдя курс реабилитации, но мое восстановление определенно продолжалось. Я твердо стоял на ногах, но с головой у меня до сих пор было не все в порядке. Большинство моих воспоминаний о тех годах, когда я употреблял, не были полностью цельными или ясными; те, что исчезли, а позже вернулись ко мне, часто представляли собой разрозненные, противоречивые фрагменты. Были воспоминания, на возвращение которых ушли годы, и я знал, что некоторые из них не вернутся никогда. И мне приходилось жить с этим каждый день.

Это сбивало с толку, это чувство… неуверенности в собственных воспоминаниях. Мои запутанные эмоциональные ассоциации с моей прежней командой, моей прежней семьей.

Я знал, что разочаровал многих людей всем, что натворил. Причинял боль тем, кто когда-то заботился обо мне.

Даже если я не мог этого вспомнить.

Но когда я проходил по коридорам, у меня сжималось сердце, как только я встречался взглядом – все еще в авиаторах – со всеми, кто смотрел в мою сторону… и не узнавал ни одного лица.

И почему-то от этого мне стало еще более неуютно.

Я мог смотреть в лицо своим ошибкам. Я мог смотреть людям в глаза и принимать упреки, разочарование или гнев, как бы тяжело ни было. Я был готов к этому.

Настолько, насколько это было возможно.

Но видеть всех этих людей – незнакомых мне – работающими с группой… Это просто напомнило мне, какая пропасть образовалась между нами, как сильно все изменилось. Не только для меня, но и для них.

И впервые с тех пор, как решился на это прослушивание, я засомневался в себе.

Смогу ли я на самом деле снова стать частью всего этого, даже если они дадут мне шанс, как я себя убеждал?

Джуд повел меня прямо в офис, и буквально на пороге я уловил в коридоре краем глаза первое знакомое лицо.

Кэти.

Жена Джесси.

Я мельком познакомился с ней на шоу-воссоединении в Ванкувере. Милая девушка. Большие сине-зеленые глаза, которые сейчас удивленно смотрели на меня. Это означало, что она тоже узнала меня.

Я остановился и поднял солнцезащитные очки на волосы. Она захлопнула рот, как будто только что осознала, что он открыт. Девушка стояла у стола с едой с несколькими другими девушками, которых я не знал; никто из них не смотрел на меня. Только Кэти.

Я кивнул ей.

Она скрестила руки на груди и выглядела неуверенной. Затем кивнула в ответ.

После она отвернулась, ее темные волосы заслонили лицо, и я последовал за Джудом в офис.

Он с кем-то спорил, пока я ставил футляры с гитарами на пол. Женщина. Миниатюрная и хорошенькая, с длинными, гладкими темными волосами, и я знал, кто она такая.

Мэгги Омура, ассистент менеджера Dirty.

Я никогда не работал с Мэгги. Ее приняли на работу к Dirty после того, как меня уволили, но она была с группой уже долгое время. Дольше, чем я когда-либо.

– Всего лишь еще один, Мэгги, – говорил Джуд.

– Кто? – спросила она. – Как его зовут? – Она сидела, уткнувшись в айпад, и даже пока не заметила меня.

Я просто встал рядом с Джудом, и когда он сказал: «Тодд Беккер», Мэгги незаинтересованно подняла глаза.

Затем она увидела меня.

И ее милое личико застыло.

– О, черт возьми, нет. Как он сюда попал? – Ее пораженный взгляд серых глаз пригвоздил Джуда к месту. – *Ты* впустил его сюда?

– Я когда-нибудь просил тебя об одолжении, Мэгги Мэй? – спокойно ответил Джуд.

– О, только не мэггимэйкай мне тут, Джуд. Ты никогда так ко мне не обращался.

– Теперь ты понимаешь, насколько это важно, – сказал он.

– Броуди уволит меня, – прошипела она. – И *тебя* заодно. – Она даже не взглянула на меня, когда говорила это, как будто это могло ускорить процесс увольнения. Вместо этого она пыталась испепелить взглядом Джуда, что было непростой задачей, поскольку Джуд был огромным, а она – крошечной. Эти двое напомнили мне мультфильм «Луни Тюнз» с бульдогом и котенком.

– Этого никогда не случится, сокровище, – протянул Джуд. – И все, о чем я прошу тебя, – это сделать вид, что ничего не происходит.

– Никакого сокровища, – сказала она. – Ты просишь меня сказать Лив, Броуди и группе, что нам нужно продолжать съемки, но это не мне решать. Мы уже закончили на сегодня.

Лив.

Еще один человек, которого я знал с давних пор. Лив Малоун была умопомрачительно талантливым режиссером, снявшим первый видеоклип Dirty, и я знал, что за эти годы она работала с группой над множеством проектов. Лив также была режиссером клипа на версию песни «Dirty Like Me» для сольного альбома Джесси – одного из самых популярных рок-клипов всех времен. Если она режиссировала эту съемку, то, возможно, это сыграло бы мне на руку. У нас с Лив всегда были отличные отношения. Но так было раньше, я не видел ее много лет.

– Можно мне увидеть Лив? – спросил я. – Пожалуйста.

Мэгги наконец посмотрела на меня. Вся мощь ее проницательных серых глаз пронзила меня насквозь. Затем она снова сверкнула глазами на Джуда.

– Это на тебе, – сказала она, кажется, обреченно вздохнув, после чего повернулась и вышла из комнаты, как будто знала, что на самом деле это не так.

– Не волнуйся, – сказал мне Джуд. – Она котенок. – Затем он усмехнулся и, выходя за ней следом, добавил: – Оставайся здесь, черт бы тебя побрал.

Не проблема. Я никуда и не собирался уходить.

Дверь все еще была открыта, и я мог видеть короткий коридор. Мимо прошло несколько человек, но никто не заметил меня, пока я ждал в одиночестве.

Я оглядел типичный для бара кабинет. Дешевая офисная мебель и сейф. На стенах висела куча потрепанных постеров группы. Я уставился на один из них. Это было изображение Эль с обложки ее сольного альбома, выпущенного несколько лет назад. На нем большими золотыми буквами было выведено: *ELLE*. А ниже черным было указано название альбома: *BOLD*.

Она стояла на фоне белой стены в обтягивающих белых джинсах и белом топе. Ее волосы были уложены на одно плечо, а губы накрашены вишнево-красной помадой. Она с вызовом смотрела на меня, сама дерзость и уверенность.

Я уставился на нее в ответ, как делал всегда, когда видел ее фотографию.

Затем я отвернулся.

Я достал свою электрогитару «Гибсон» из кейса, пристегнул к ней ремень и начал играть, немного репетируя. Я старался не создавать лишнего шума, не желая привлекать внимание.

Когда я снова поднял глаза, то увидел Эль – во плоти.

Она стояла в коридоре и разговаривала с Эшли Плейером, лид-вокалистом группы Penny Pushers. Очевидно, никто из них меня не видел.

Pushers часто гастролировали с Dirty, и мне оставалось только гадать, из-за Дилана ли здесь Эш; я знал, что они были лучшими друзьями. Но сейчас он разговаривал вовсе не с Дилaном, понизив голос и находясь в опасной близости.

Я наблюдал, как Эш положил руки на тонкую талию Эль. Его пальцы впились в нее. Я не мог уловить точного настроения разговора, но мне показалось, что это что-то… интимное.

Я отвел взгляд, чувствуя, как к горлу подкатывает изжога. Я сглотнул. У меня вспотели ладони, и мне пришлось прекратить игру, чтобы вытереть их о джинсы.

Эта песня бросала вызов. Особенно учитывая, что я не играл ее много лет.

Господи, может быть, это *правда* было ошибкой.

В голове промелькнули картины моего провала, того, что я облажался на прослушивании и выставил себя на посмешище…

Но я попросил Джуда помочь мне зайти так далеко, и теперь в этом была замешана Мэгги. И Лив вот-вот…

Так что к черту все это. Теперь я связан обязательствами.

Я стольким обязан Джуду.

Он был прав в своих словах, когда увольнял меня – во второй раз – от имени группы. Дело было не в деньгах и даже не в музыке. Для группы и для меня это было нечто гораздо большее.

Дело было в преданности. Товариществе в группе. Семейных узах.

И я не мог отказаться от всего этого без борьбы.

Я поклялся себе, что никогда больше так не поступлю.

И все же… я ужасно нервничал из-за предстоящей встречи с группой. Из-за того, что *они* увидят *меня*.

Я не виделся лично ни с кем из участников Dirty с тех пор, как они уволили меня более полугода назад. После потасовки с менеджером Dirty Броуди Мейсоном в старой церкви, где группа писала музыку и репетировала; тогда он врезал мне по лицу на сцене несколько раз.

Я несколько раз перекинулся парой слов с Зейном по телефону, и хотя, кажется, его вся эта ситуация не радовала, его позиция была примерно такой: *«Я мало что могу сделать, брат. Это решать Броуди и Джесси»*.

Однажды я переписывался с Диланом, и он сказал примерно то же самое.

Ни Джесси, ни Броуди разговаривать со мной не пожелали.

Эль не отвечала на мои звонки. На самом деле это ранило больше всего. Эль и то, что она, должно быть, подумала обо мне после того, что случилось… Броуди, набросившийся на глазах у группы и сломавший мне нос…

Обвинивший меня в *изнасиловании* Джессы Мэйс.

От этого воспоминания мои внутренности словно свернулись в узел, как обычно. Но и это мне предстояло опровергнуть. Это было частью сделки, чтобы вернуться сюда.

Потому что я не мог позволить такому обвинению оставаться в силе вечно.

Я снова посмотрел на Эль и Эша в коридоре… и увидел, насколько она изменилась за эти годы. По-прежнему великолепна. Может быть, даже больше. Более… элегантная. Эффектная в белом топе без бретелек, золотых подтяжках и стильно рваных обтягивающих джинсах с низкой посадкой. Ее длинные платиновые волосы были распущены и перекинуты через плечо, а их верхняя часть была заплетена в толстую косу, открывающую лицо. Но, несмотря на поцелованную солнцем сияющую кожу, губы с глянцевым блеском, свежее, безупречно накрашенное лицо… все же она выглядела изнуренной.

Или, может быть, причиной тому служил утомивший ее разговор.

Когда Эш что-то тихо сказал ей, приблизившись к ее хорошенькому личику, она просто кивнула, поджав губы. И меня осенило: меня не было рядом, чтобы наблюдать все то дерьмо, что сопровождало успех, безумие славы.

Я подвел ее.

Я подвел их всех.

Я смотрел, как она развернулась и пошла прочь, и мой взгляд упал на ее упругую, идеальную попку в облегающих джинсах. Затем она исчезла за дверью.

После ухода Эль Эш еще немного постоял, уставившись в стену. Затем он повернулся.

И посмотрел прямо на меня.

Я совсем забыл, что должен был репетировать свою песню, и наши взгляды встретились. На его лице отразилось узнавание, и он направился к открытой двери.

– Это то, о чем я думаю? – спросил он, входя в комнату. Он осмотрел каждый угол, как будто ожидал, что здесь будет кто-то еще.

Мое сердце билось слишком сильно, поэтому я перевел дыхание. Я понятия не имел, в каких мы отношениях с Эшем. Надеюсь, не как с Броуди.

– Если ты думаешь, что я здесь для прослушивания, то да.

Он остановился как вкопанный.

– Да ты гонишь.

– Не-а.

Он переваривал это, окинув меня взглядом с ног до головы. Я сделал то же самое с ним. Черные как смоль волосы с прической, как у серфингиста, пирсинг, татуировки, которые, казалось, приумножались каждый раз, когда я его видел. Серьезный, задумчивый взгляд его голубых глаз.

Я понятия не имел, о чем он думал. Я не очень хорошо знал Эша, хотя и встречался с ним несколько раз за эти годы. На концерте по случаю воссоединения он сказал мне, что восхищается мной в музыкальном плане. Назвал себя фанатом. Весьма кротко, учитывая, что парень умел играть на гитаре, мог сочинять текст и определенно умел петь намного лучше, чем я.

– Ты здесь с Диланом?

– Я здесь с группой, – сказал он. – Домашняя группа. Звездный состав. – На его губах появилась ухмылка. – У нас есть Раф. Мой Пеппер. Мы играем на прослушиваниях с ребятами, стараемся, чтобы они звучали хорошо. Или плохо. – Ухмылка стала коварной. – Должен тебе сказать, сюда приходит всякий отстой. – Он снова оглядел меня, как будто все еще пытался осознать мое присутствие.

– Сегодня?

– Всю гребаную неделю. – Он скрестил руки на груди. – Ты серьезно? Ты здесь ради прослушивания?

– Да.

– Определился с песней?

Да уж, определился. Голову сломал, так как нужно было каким-то образом продемонстрировать, на что я способен, произвести впечатление на Dirty и удовлетворить дурацкую просьбу Джуда о Metallica. Но я по опыту знал, как справиться даже с самыми нелепыми вызовами Джуда.

– Чувак, вы знаете «Stone Cold Crazy»? – ответил я.

Джуд ведь не уточнял, что это должна быть песня, *написанная* Metallica.

Казалось, это впечатлило Эша, так что, по крайней мере, я был на правильном пути.

– Чертовски верно, – сказал он, взглянув на мою гитару, словно хотел убедиться, что я готов к этому. – Группа Queen или Metallica?

– Эшли чертов Плейер, – сказал я.

При этих словах улыбка озарила лицо Эша. Он покачал головой.

– Лады. – Затем он шагнул ко мне, хлопнул по плечу и сказал: – Осторожнее со своими желаниями.

– Да ты гонишь.

За спиной Эша раздался женский голос. Он повернулся, и в дверях я обнаружил Джуда и Мэгги… и маленькую, похожую на пикси женщину с короткими каштановыми волосами, в очках, свитере, джинсах и армейских ботинках.

Эш ухмыльнулся.

– Именно это я и сказал.

– Привет, Лив, – поприветствовал я ее.

Лив просто шокированно смотрела на меня, но я видел, как ее проницательный ум за маленькими очками работает со скоростью мили в минуту.

– Мы снимем это или как? – Эш перевел взгляд с Лив на меня. Он начал заводиться; я чувствовал, как расцветает его эго лид-вокалиста в предвкушении вызова выбранной мной песни.

– О да. Мы снимем это, – сказала Лив. – Поднимайте свои задницы. – А потом она заговорила по мобильному, Эш рванул по коридору, а Джуд подал знак следовать за ним.

Мэгги вздохнула и пробормотала:

– О боже милостивый, – а затем исчезла за дверью в конце коридора.

Эш прошел через другую дверь, на которой красовались граффити с единственным словом: «СЦЕНА». Я уже был на пороге, собираясь последовать за ним, когда мне на плечо опустилась большая рука Джуда, и я остановился.

– Сделай мне одолжение, – сказал он, глядя мне в глаза. – Не облажайся. – Затем он отпустил меня.

Я кивнул, сглотнув, и вышел через служебную дверь. Дверь была тяжелой, звуконепроницаемой, и она захлопнулась за мной с оглушительным грохотом.

Я вышел на черную сцену, в глаза мне бил верхний свет. Сцена была в буквальном смысле черной: выкрашена в черный цвет и заставлена оборудованием. Это был рок-бар, который переоборудовали в танцевальный. Иногда здесь по-прежнему играли группы, иногда публику развлекал диджей. Прямо сейчас гвоздем программы выступал я.

Хоть никто меня и не видел.

Я слышал голоса, неразличимые за бархатной стеной классической рок-музыки, звучащей из звуковой системы бара. Это была песня «Undun» группы The Guess Who. Что имело смысл, если знать, что Зейн считал Бертона Каммингса одним из крутейших вокалистов всех времен и народов, а также что Зейн любил выступать в качестве диджея везде, где только мог, даже, по-видимому, в баре Дилана.

Я мог представить себе Зейна с его удлиненной блондинистой прической «ястреб», который, откинувшись на спинку стула, спорил с Джесси практически о каждом гитаристе, посетившем прослушивание. Зейн и Джесси редко могли прийти к согласию в чем-либо; интересно, изменилось ли это за прошедшие годы?

С каждым моим шагом на сцену это дерьмо становилось все более реальным. В этом зале находились участники моей бывшей группы. *Прямо сейчас.*

Чувство изжоги снова подкатило к моему горлу, и я попытался прочистить его – бесшумно, как будто кто-нибудь мог меня услышать. По крайней мере, это было не вокальное прослушивание; вероятно, с ним я бы не справился.

Но, невзирая на степень моей нервозности, руки знали свое дело.

Когда мои глаза привыкли к освещению, я увидел на другой стороне сцены ударную установку, а за ней Пеппера, барабанщика группы Penny Pushers, который вертел в руках палочки. Казалось, он меня не заметил. Он разговаривал с кем-то в тени позади себя, возможно с членом съемочной группы. Эш исчез, растворился где-то там, чего я не мог разглядеть из-за гигантской шелковой ширмы, отделяющей меня от остальной части зала, включая бóльшую часть сцены и мою группу поддержки.

Появилась пара ребят из съемочной группы, они суетились вокруг меня, снова приводя в рабочее состояние оборудование, и кто-то подключил мою гитару.

И этот знакомый звук… треск электричества и воя обратной связи. Это отбросило меня назад – к тому времени, когда я в последний раз был на сцене с Dirty, на концерте воссоединения в Ванкувере. И к тому, как он понравился публике. Как им нравился *я*.

Я глубоко вздохнул, позволяя воспоминаниям о том концерте наводнить мое сознание… и нервозность покинула меня.

Мной снова овладела уверенность.

Вся эта чушь о том, что меня вышвырнули из группы – *моей* группы… казалось, будто этого никогда, черт возьми, не было.

Вот он я.

Вот где мне самое место.

Фанаты знали это, даже если Dirty – нет.

Возможно, Джуд тоже это знал. Может быть, еще Эш. Вероятно, и Лив, именно поэтому она все это устроила.

И если это правда, мне просто нужно было доказать это Dirty. Доказать им, что я всегда был такой же частью группы, как и любой из них.

Чего уж греха таить, я облажался. Я понимал это. Мой талант когда-то позволил мне воплотить в жизнь самые смелые мечты, но я позволил своей зависимости превратить эти мечты в кошмар.

Я ударил в грязь лицом.

Я провалился. Эпически.

Но мои воспоминания о неудаче не остановят меня. Я терпел одну неудачу за другой, пробивал дно, карабкался обратно, цепляясь за всякую подворачивающуюся возможность, и все же продвигался вперед, становясь сильнее, чем раньше, – вот что требовалось, чтобы стоять *здесь*.

Прямо сейчас.

Сильнее, чем когда-либо.

Я стал другим человеком и больше не валял дурака.

Dirty нужен был новый гитарист, но уж точно не Сет Бразерс, которого они знали раньше; даже я это понимал. Или Сет, который бестолково совершил камбэк на шоу воссоединения, стремясь к какой-то развязке, которой, черт возьми, так и не произошло.

Когда я снова спустил на глаза солнцезащитные очки и приготовился разорвать зал этой чертовой песней, то понял, что готов – более чем готов – вернуть то, что принадлежит мне. И я был уверен, что оторвусь по полной на этом прослушивании.

Они думали, что знают меня…

Но на самом деле они даже пока *не знакомы* с Сетом Бразерсом.

Глава 3
Эль

Да пошло оно все.

Мне так все это осточертело.

Возвращаясь в бар, я чувствовала себя неприкаянной и взбудораженной. На самом деле скорее подавленной. Что, черт возьми, еще обсуждать? Мы зашли в тупик. Мы вообще ничего не добились.

Весь этот гребаный процесс оказался пустой тратой моего времени.

Тягомотные прослушивания. Необходимость слушать исполняющих песню за песней подражателей рок-звезд, большинство из которых ничего из себя не представляли.

Да, некоторые неплохо себя проявили.

Очень немногие впечатлили.

Но ни один не подходил Dirty.

Мы провели все от начала до конца, для камер, ради медийности в рамках сотрудничества с телеканалом, но неофициально мы все знали, что с точки зрения таланта все сводилось к Джонни О'Рейли или Бозу Бейли – паре уже знакомых нам настоящих рок-звезд.

Джонни – если бы мы могли убедить его бросить свою другую группу и присоединиться к нам; что сомнительно, поскольку их песня в эту самую секунду пребывала на вершине индирок-чартов, а наш последний разговор представлял собой, скорее, трехсторонний спор между Джонни, Джесси и Зейном.

Боз, если бы мы могли обойти его проблемы с поездками. Например, более десяти лет назад ему запретили въезд в Соединенные Штаты из-за каких-то обвинений в незаконном обороте наркотиков.

Отличная новость для гастролирующей группы.

Охрененно крутые варианты.

Если нам не удастся достичь договоренностей с Джонни или Бозом, то все зависело от одного из этих прослушиваний, и никому из нас перспективы не казались радужными.

Точнее, некоторым они таковыми казались, но никто из нас не мог сойтись во мнении в отношении кого-то конкретного.

Я плюхнулась в одно из кресел, которые расставили полукругом на танцполе лицом к сцене для нас – группы и нашего продюсера. Мы довольно легко согласились с тем, что имеет смысл снимать лос-анджелесские прослушивания в баре Дилана, потому что это было именно то место, где мы могли бы проводить настоящие прослушивания, даже если бы мы не снимали их для документального телесериала. Никто не хотел сниматься в какой-то телестудии или на фальшивой съемочной площадке, и Зейн, в частности, сказал, что он ни за что не собирается «сидеть на каком-то гребаном троне, как в каком-то дерьмовом реалити-шоу, и судить людей».

И все же мы были здесь – сидели на старых театральных сиденьях, позаимствованных из какого-то заброшенного театра, в центре бара Дилана, на сцене играла домашняя группа, состоящая из наших друзей, и мы чувствовали себя чертовски по-домашнему – единственной странностью были съемочная группа и камеры, и, конечно, огромный установленный экран-ширма, загораживающий нам вид на одну сторону сцены, где претенденты стояли и играли для нас на гитаре. За экраном горел свет, который отбрасывал на него какой-то силуэт, но он был почти размытым. Большую часть времени невозможно было сказать, мужчина это, женщина или инопланетянин.

Зейн рвал и метал по этому поводу, говорил, что нам нужно видеть внешность кандидата, но Броуди убедил нас согласиться с идеей, которая полностью принадлежала Лив. И мы доверились Лив, как всегда.

По ее словам, *слепые прослушивания – удачный вариант для телевизионных зрителей. Добавляют драматизма.*

Как будто нам необходимо было что-то добавить к драматизму живых прослушиваний с присутствующим здесь Зейном. И все мы расходились во мнениях по поводу каждого игравшего для нас гитариста. Пока мы могли согласиться только насчет тех, кто полностью провалил прослушивание.

В данный момент ребята все еще спорили, а это означало, что, хотя я уже мысленно нежилась на пляже острова Кауаи, мне приходилось делать вид, что нахожусь с ними, *здесь*, пока не прекратятся дебаты.

Как обычно, Джесси и Зейн бодались. Дилан молчал, откинувшись на спинку кресла, а я изо всех сил старалась не потерять самообладание. Все закончилось почти полчаса назад; я уже успела отойти, чтобы проверить сообщения, и вернуться. Мы уже наполовину прослушали лучшие хиты группы The Guess Who, а они *до сих пор* обсуждали парня из Ванкувера, который на прошлой неделе сумел произвести впечатление на Джесси своим исполнением песни Оззи Осборна «Crazy Train», и девушку, которая вчера исполнила странно замедленную и в чем-то знойную кавер-версию песни группы Avenged Sevenfold.

– Если бы у нее не было сисек, – говорил Джесси, – ты бы по-прежнему считал, что она сыграла «God Damn» чертовски круто? – Он сидел слева от меня, хотя я почти не смотрела на него в течение всего этого процесса – если только не включались камеры и мне не приходилось вести себя как ни в чем не бывало.

– А у нее разве были сиськи? – сухо спросил Зейн. Он развалился в кресле по другую сторону от Джесси, одетый в свой фирменный черный кожаный жилет поверх потертой белой футболки и в джинсы с заниженной посадкой, намеренно обнажающей дорожку волос от паха до пупка. У Зейна горячее тело, да. Хотела ли я это видеть? Нет.

Он убрал с лица волосы, запустив в них пятерню, унизанную кольцами, и его льдисто-голубые глаза встретились с моими. Он подмигнул.

Я вздохнула.

Я не стала утруждать себя упоминанием о том, что девушке, о которой идет речь, едва исполнилось восемнадцать, и, вероятно, ее вообще не должно было здесь быть, и, скорее всего, *не* было бы, если бы не тот факт, что мы снимали эти прослушивания для «добротного телевидения» и все такое.

– Итак, что, если никому не удастся сразить нас наповал, что дальше? – спросил Дилан, наверное, в десятый раз за неделю, устав от бесконечного спора. Он сидел справа от меня, вытянув перед собой длинные ноги в джинсах с подворотами. Я взглянула на него, и он бросил на меня страдальческий взгляд, его зеленые глаза умоляли меня помочь ему покончить с этим безумием. – Может, мы просто выберем кого-нибудь для телесериала, – предложил он, – и вышвырнем его после истечения срока контракта?

– Мы ни за что не станем этого делать, – сказал Джесси.

– А почему нет? – возразил Зейн. – Да какая, на хрен, разница? Разрулим все, насладимся шумихой и уволим его, если он ни к черту не годится.

– Ни за что на свете, – сказал Джесси. – Я не стану делить сцену ни с кем, с кем не хочу ее делить.

– Никто не хочет, – вставил Броуди. Он стоял, прислонившись спиной к стене, скрестив руки на груди в своей кожаной мотоциклетной куртке и едва ли проронил пару слов с тех пор, как ушел последний гитарист. Обычно он молчал, когда работали камеры, но теперь, когда все закончилось, а мы все еще дискутировали, нам явно нужен был голос разума. – Но у нас есть обязательства перед телекомпанией. Если мы не сможем отобрать кого-то, они могут ожидать, что мы продлим съемки и продолжим поиски.

Он посмотрел на продюсера сериала, который тоже сидел, прислонившись к стене, и играл на своем телефоне. Он вообще почти не разговаривал, только с энтузиазмом целовал нас в задницы при каждом удобном случае, полностью полагаясь на Лив в творческом подходе к делу.

И где, черт возьми, она сейчас? Она была частью сделки и, честно говоря, главной причиной, по которой телеканал дал зеленый свет сериалу.

Главной причиной, по которой *мы* согласились сниматься в сериале.

– Это не заложено в текущий бюджет, – подтвердил продюсер, глядя на нас и энергично кивая, как будто сказал нечто полезное. Фрэнк или как его там? Я не потрудилась запомнить его имя. – Но да. Они, вероятно, попросят.

– К черту бюджет. – Это был Зейн.

– Согласен, – сказал Джесси, и я перевела на него взгляд, потому что на согласие с Зейном у него обычно была аллергия. – Я лучше заплачу из своего кармана и продолжу поиски, пока мы не найдем кого-нибудь подходящего. – Его темно-карие глаза встретились с моими; до его великолепного лица было рукой подать. У меня слегка скрутило живот, но не так, как в то время, когда мы были парой. Или раньше, когда я безумно сильно хотела, чтобы мы стали парой.

Виной тому был дискомфорт.

И я задумалась: когда же, черт возьми, это пройдет? Смогу ли я *когда-нибудь* смотреть на него и не чувствовать… ничего? Ничего, кроме того, что я чувствовала, когда смотрела на Зейна… совершенно безличное восхищение его мужским обаянием, которое совершенно не находило никакого отклика во мне.

Я отвела взгляд. Они с Зейном были правы, но не это я хотела услышать прямо сейчас. Этот поиск выжег нас дотла. Не тот поиск, который начался с прослушиваниями на прошлой неделе. Поиск, который начался семь лет назад, когда мы потеряли Сета.

С тех пор, как Сета Бразерса уволили из группы, у нас сменилось восемь ритм-гитаристов. И формально никто из них *не присоединился* к Dirty. Они были наняты по временным контрактам в качестве студийных или гастролирующих музыкантов, или же они играли в каче-

стве «специальных гостей» на наших альбомах. Эту зияющую дыру почти удалось заполнить, когда полгода назад мы наняли самого Сета.

Тот контракт продлился считаные дни.

С тех пор мы отчаянно пытались заполнить образовавшуюся пустоту. В этот момент нам всем начало казаться, что мы прокляты или что-то в этом роде. Каждый раз, когда мы думали, что нашли своего человека, все рушилось.

Идея создания документального сериала была затеяна нашей командой менеджеров, возглавляемой Броуди и Мэгги, а также У, нашим музыкальным продюсером, и разработана совместно с Лив. Это была хорошая идея по многим причинам. Мы надеемся, что она вызовет всплеск ажиотажа и восторженного волнения, когда выйдет сериал, радостного возбуждения, который посодействует подготовке к выпуску нашего грядущего юбилейного, десятого, альбома и продвижению тура. Также появилась возможность открытого доступа к прослушиваниям для публики, что означало расширение популярности в Сети и возможность поймать восходящую звезду.

У и Броуди просеяли кандидатов в качестве первого шага в процессе отбора, а это означало, что они просмотрели десятки часов видеозаписей с прослушиваниями. Лучших, а в некоторых случаях и худших, – в конце концов, это телевидение – пригласили на живое прослушивание перед группой. Сегодня последний день прослушиваний, и пока что у нас было, *вероятно*, с полдюжины годных (с натяжкой) кандидатов, но ни одного реального претендента.

Мы все немного настороженно отнеслись ко всему этому, поскольку понимали, что все это происходило для телевидения. Но мы также не теряли надежды. Мы были взволнованы и оптимистично смотрели на перспективу отыскать настоящий талант. И для нас сыграло множество талантливых гитаристов. Несколько невероятных историй от людей, которые проехали полмира, чтобы оказаться здесь.

Но не было никого, кто бы нас всех потряс.

К настоящему моменту все в группе нервничали, расстраивались из-за того, что не смогли найти замену Сету, и это проявлялось в напряжении между нами.

Парни продолжали препираться, но мне удалось кое-как отвлечь их. Только что на полную катушку заиграла «American Woman», и я уже начала погружаться в себя, кайфуя, когда музыка прекратилась и чей-то голос произнес: «Есть еще кое-кто». Это была Лив, звучавшая из аудиосистемы, как глас Божий.

Зейн взял свой микрофон; он все еще был включен.

– Горячая штучка? – спросил он куда-то в воздух.

Броуди подошел, забрал у Зейна микрофон и заговорил в него:

– Мы закончили.

– Поверьте, – произнесла Лив своим фирменным бесстрастным тоном, – вы хотите это послушать.

Голубые глаза Зейна встретились с моими, и его бровь с пирсингом приподнялась; в них я заметила искру интереса. Он одними губами спросил у меня: *«Какого хрена?»* – но я только пожала плечами.

Сидевший рядом со мной Джесси откинул голову на спинку кресла, его темные кудри рассыпались по спинке; волосы отросли. Ему это шло.

Я отвела взгляд. Мы расстались больше года назад, и мне все еще было трудно смотреть на него дольше нескольких секунд.

Я почувствовала бесшумный вздох Дилана по другую сторону от меня. Его ботинки отбивали по полу беспокойный ритм, колени подпрыгивали вверх-вниз, и дело было не только в том, что в голове у этого человека постоянно звучали барабаны. Я знала, что ему до смерти хочется убраться отсюда к чертовой матери, но он ничего не сказал.

Зейн забрал микрофон у Броуди и сказал ему:

– Прижми задницу, босс. Я хочу послушать, как играет эта горячая цыпочка.

Я закатила глаза. Для нас играли ребята всех возрастных категорий, пола и телосложения, но, по мнению Зейна, все они были горячими цыпочками. До тех пор, пока не отодвигался экран и не демонстрировал, что это не так.

Съемочная группа Лив незаметно материализовалась из тени и включила свое оборудование. Я заметила ее оператора-постановщика, готового к действию, и операторов у всех камер. Сама Лив появилась снова и заняла свое место у ряда мониторов рядом с оператором-постановщиком.

Я предположила, что все должно пройти хорошо, иначе она не отправила бы своих парней обратно на работу, когда они уже намеревались перекусить перед тем, как разойтись по домам.

Броуди слинял обратно на свой пост у стены, а Дилан сумел принять более-менее вертикальное положение.

Все огни на сцене, которые были приглушены, зажглись, и группа заняла свои места. Эш стоял у микрофона, холеный и сексуальный в своих обтягивающих черных джинсах и футболке с Ramones, его черные волосы привели в искусный беспорядок, а пирсинг искрился на свету. У него на руке была новая татуировка: русалка с белыми волосами, которая, как он клялся и божился, не имела ко мне никакого отношения.

Когда он посмотрел на меня, то демонстративно облизал губу, слишком долго задержав на мне взгляд, и я слегка ощетинилась. В последнее время он стал слишком бесцеремонным и кокетливым. И теперь на него тоже были нацелены камеры.

Лив ни за что не проморгала бы этот нахальный жест языком.

За экраном зажегся свет, и появилось таинственное размытое пятно, ставшее нашим следующим и последним прослушиванием.

По крайней мере, я, черт побери, надеялась, что последним.

Лив подала сигнал группе, как только мы были готовы начать, и они заиграли. Это была «Stone Cold Crazy». И это было *громко*. Быстро и слаженно, особенно учитывая тот факт, что группа, вероятно, не репетировала ее вместе давненько – или вовсе.

Но эти ребята были профессионалами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.